

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Молодой англичанин, стр. 5

– Господи боже мой, милостивые государыни и милостивые государи, как допустили вы это животное в порядочное общество? Да ведь это же обезьяна. Homo Troglodytes Linnaei. Уступите его мне, я тут же дам вам шесть талеров, сдери с него шкуру, и набью его чучело для своей коллекции.

Кто опишет удивление грюнвизельцев, когда они слышали эти слова!

«Как? Обезьяна, орангутанг в нашем обществе? Молодой приезжий просто–напросто обезьяна?» – восклицали они и глядели друг на друга, отупев от неожиданности. Они не могли понять, не могли поверить собственным глазам, мужчины подвергли его более тщательному осмотру. Но он как был, так и остался самой обыкновенной обезьяной.

– Но как же это возможно, – воскликнула бургомистерша, – ведь он же часто читал мне свои стихи! Ведь он не раз обедал у меня, как и прочие люди!

– Что? Как же так, ведь он пивал у меня кофе, часто и помногу и по–ученому разговаривал с моим мужем и курил? – всполошилась докторша.

– Как! Разве это возможно, – подхватили мужчины, – ведь он же катал с нами шары в кегельбане и спорил о политике, как нам подобный?

– Ну как же так! Ведь у нас на балах он вел танцы! – жаловались все. – Обезьяна! Обезьяна! Это чудеса, колдовство!

– Да, это колдовство и дьявольское наваждение, – сказал бургомистр, показывая шейный платок племянника, или, если хотите, обезьяны. – Глядите!

Это волшебный шарф, с его помощью он нас околдовал. В платок вшита широкая полоса эластичного пергамента, на которой выведены какие–то диковинные письмена. Мне даже сдается, будто это по–латыни. Кто–нибудь может прочесть?

Пастор, ученый человек, проигравший обезьяне не одну партию в шахматы, поглядел на пергамент и сказал:

– Нет, только буквы латинские, а написано здесь:

Смешно смотреть, как обезьянаЗа яблоко берется рьяно.

– Да, это адский обман, – продолжал он, – своего рода колдовство, и заслуживает примерного наказания.

Бургомистр был того же мнения и тотчас же отправился к приезжему, который, несомненно, был волшебником, а шесть полицейских несли обезьяну, собираясь тут же приступить к допросу.

В сопровождении несметной толпы подошли они к безлюдному дому, ведь всякому хотелось посмотреть, что произойдет дальше. Принялись стучать в дверь, звонить в звонок, – все напрасно, никто не показывался. Тогда бургомистр, разозлившись, приказал высадить двери и отправился наверх, в дядюшкину спальню. Но там нашли только старую домашнюю утварь. Приезжего и след простыл. Но на его письменном столе лежало адресованное бургомистру большое припечатанное печатью письмо, которое тот тут же и вскрыл. Он прочитал:

«Милые грюнвизельцы!

Когда вы вскрыете это письмо, меня уже не будет в вашем городке, а вам уже давно будет известно, какого роду–племени мой милый племянник.

Отнеситесь к шутке, которую я позволил себе сыграть с вами, как к хорошему уроку и впредь не навязывайте приезжему, желающему жить по–своему, ваше общество! Я знаю себе цену и потому не хотел вместе с вами погрязнуть в вечных сплетнях, усвоить ваши глупые обычаи и смешные манеры. Вот почему я и воспитал себе в заместители молодого орангутанга, столь вам любившегося. Будьте здоровы и используйте по мере сил сей урок».

Грюнвизельцам было очень стыдно перед всей округой. Утешались они только тем, что это случилось при помощи сверхъестественных сил; но больше других стыдилась грюнвизельская молодежь того, что переняла дурные привычки и повадки обезьяны. Отныне они уже не клали локтей на стол, не качались на стуле, молчали, пока их не спросят; они сняли очки и стали по–прежнему вежливы и благонравны, а если кому случалось снова вспомнить те нелепые манеры дурного тона, то грюнвизельцы говорили: «Вот так обезьяна!» А обезьяну, так долго игравшую роль молодого человека, сдали на руки тому ученому, у которого был кабинет предметов натуральной истории.

Орангутанг и поныне разгуливает у него по двору; ученый кормит его и как диковинку показывает всякому гостю.

Когда невольник кончил, зала огласилась смехом, и юноши тоже смеялись вместе со всеми.

– Должно быть, странные люди эти франки, и, правду говоря, я предпочту жить здесь в Александрии с шейхом и муфтием, чем в Грюнвизеле в обществе пастора, бургомистра и их глупых жен!

– В этом ты прав, – подхватил молодой купец. – Не хотелось бы мне умереть в Франкистане. Франки – грубые, дикие варвары, и для образованного турка или перса жить среди них было бы очень тягостно.

– Об этом вы сейчас кое–что услышите, – пообещал старик. – Насколько я знаю от надсмотрщика над рабами, вон тот красивый юноша расскажет нам много о Франкистане, хотя по рождению он мусульманин, но прожил он там долго.

– Как? Вон тот, что сидит последним в ряду? Поистине, грех шейху отпускать его на волю! Это самый красивый раб во всем краю. Посмотрите, какое у него мужественное лицо, какой смелый взгляд, какая стройная стать.

Шейх мог бы повелеть не назначать его на тяжелую работу. Пусть отгоняет от шейха мух или подает ему трубку. Нести подобную службу – одно удовольствие; а такой невольник поистине украшение для дома. Он тут всего три дня, и шейх уже отпускает его? Это безумие, грех!

– Не осуждайте того, кто мудрей всех в Египте! – с особой выразительностью сказал старик. – Ведь я вам уже говорил, – он отпускает его на волю, думая заслужить тем милость Аллаха. Вы говорите – раб красив и статен, и это правда. Но сын шейха, – да возвратит его пророк в отчий дом! – сын шейха был красивым мальчиком и теперь тоже вырос бы в высокого и статного юношу; что же, по–вашему, шейху следует приберечь деньги и отпустить на волю дешево стоящего скрюченного от старости раба, а самому рассчитывать получить за это обратно сына? Кто хочет что–либо сделать на этом свете, пусть делает это хорошо или не делает вовсе!

– Глядите–ка, шейх не спускает глаз с этого раба. Я уже давно это заметил. Слушая рассказчиков, он часто бросал в ту сторону взгляд и задерживал его на благородных чертах молодого раба, что будет сегодня отпущен на волю. Наверное, ему все–таки жалко отпускать его!

– Не думай так о шейхе! Ты полагаешь, ему жалко тысячи туманов, когда ежедневно он получает вдвое больше! – сказал старик. – Верно, взгляд его с горестью покоится на молодом рабе потому, что шейху вспоминается сын, изнывающий на чужбине; он, верно, думает: быть может, там найдется сострадательный человек, который выкупит его и вернет отцу.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Возможно, вы правы, – ответил молодой купец. – Да будет мне стыдно, что я всегда приписываю людям мелочные и неблагородные помыслы, в то время как вы предпочитаете во всех их деяниях усматривать благие намерения. И все же, как правило, люди плохи; разве вы не пришли к тому же убеждению?

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) >> [Дальше](#)